

А. Котельников
Путь Домой

По роману Владимира Набокова «Подвиг».
Географическое исследование

It's a long way to Tipperary, it's a long way to go.
It's a long way to Tipperary, to the sweetest girl I know...

Старинная ирландская песня

Моцарт. Пожалуй;
Я рад. Но дай схожу домой сказать
Жене, чтобы меня она к обеду
Не дожидалась.

А.С.Пушкин.

Моцарт и Сальери

«То Пушкин, а это я»,
— Бубнов подумал, и сказал:
«А все-таки у вас хуже»

Тема потерянной родины приходила в русскую литературу всякий раз, как на другие берега выносило очередную волну эмиграции. Исследование истории эмигрантского искусства и, в частности, прозы, насчитывающего без малого сто лет, выходит за рамки данного сочинения (да и за рамки возможностей Вашего покорного слуги), скромной целью которого является очерчивание на карте Европы поездок Мартына Эдельвейса, большей частью железнодорожных, и других действующих лиц.

Дабы не запутаться, начнем в хронологическом порядке. В раннем детстве Мартын попал в Биарриц, место ныне только потому и известное, что было курортным в начале уже прошлого века; сейчас же найти “французский город на побережье Бискайского залива вблизи испанской границы” можно совсем не на любой карте. Эта поездка, несомненно, является отправной точкой всех путешествий Мартына, удачно завершившейся короткой петлей Петербург-Биарриц-Берлин-Вержболово-Петербург, которой можно противопоставить значительно более длинную, с повисшим концом.

Вержболово. Тогда еще часть России, но уже скоро будет за пределами той одноверстки, по которой Мартын будет идти домой. Это место уже исчезло из указателей географических справочников, его заметил Вирбалис, численность которого стала столь мизерной, что он хоть

и существует, но является слишком маленькой точкой для небольшого атласа. Возможно, когда-нибудь Вам придется ехать по маршруту Калининград-Каунас-Витебск-Петербург. Недобрая литовская таможня встретит Вас в Кибартае; знайте, когда-то крупнейшая таможня Российской империи совсем близко.

От первой поездки останутся любовь к поездкам, воспоминания об огнях далеких городов, и ящике с загадочной надписью «Fragille».

Как просто оказывается покинуть родные места, пусть даже и совсем не самым коротким путем. Швейцария через Грецию. Та молниеносная быстрота, с которой Мартын с Софьей Дмитриевной покидают Россию, лишь незначительно удлинняется ялтинским эпизодом и афинским приключением Мартына.

В Лозанне начинаются разветвления сюжета. Строго говоря, первая боковая веточка сюжета пущена “в год, когда убили в сарае австрийского герцога”, но, поскольку отец Мартына практически не участвует в перемещениях своего сына, его роль в романе, в свете нашей узкой темы, довольно-таки незначительна. Мать Мартына остается с дядей Генрихом, сам герой встречается в Лондоне с Соней Зилановой и поступает в Кембридж, где знакомится с Дарвином. С этого момента жизнь Мартына до конца повествования привязана к этим людям.

Проще всего сравнивать непохожие вещи, больше фактического материала. Не много напишешь о том, чем различны два стога сена в Живерни, но плодотворным может оказаться сравнение Мартына и Дарвина, столь похожих внешне, и так различных внутри. Как и прежде, мы остановимся на “географических” деталях. Кембридж свел их, потом будет краткая встреча в Берлине, все остальное время они занимают разные пространственные ниши. Петербург и Крым Мартына явственно противопоставлена Мадере, Гаваям и Месопотамии Дарвина. Швейцарские горные каникулы против Канарских островов, батрачество во Франции и работа корреспондентом в Америке. И, в некотором смысле апогей нашего сравнения, в котором одна сторона выступает трагически серьезной, а другая комически безответственной: «Полное описание шестидесяти семи способов проникнуть в колледж Троицы после закрытия ворот, с подробным планом стен и решеток, первое и последнее издание, множество раз проверенное ни разу не попавшимся автором» и карта, добытая в Берлине в бывшем Генеральном Штабе.

Соня, и Зилановы вообще, олицетворяет движение на родину, в Россию. Переезд из Лондона в Берлин, на восток, в этом смысле символичен. С момента своего появления в романе вплоть до ее последнего письма в Молиньяк Соня является притягивающим центром для Мартына, внеш-

ней силой, в очень широком смысле, действие это сохраняется и после окончательного отказа от женитьбы, только направлено оно уже не в Берлин, а в Литву и дальше на восток. Но пока Мартын только приехал в Берлин из Швейцарии по окончании Кембриджа, пока только появляется Зоорландия и ее законы, столь же нелепые, как и реальный мир вокруг ее создателей. Искусственный заменитель оказался непрочной поделкой и вскоре частью разрушился, а частью перешел в чужие руки.

На смену Зоорландии приходит попытка найти себя во Франции, там где в детстве Мартын видел далекие огни, попытка, до последнего кажущаяся удачной, до слов «Во всяком случае, это не Молиньяк,— сказал кондуктор.— Молиньяк не виден отсюда».

Особняком в романе стоит судьба Нелли и ее мужа, белого офицера, у которого был один путь и, по большому счету, предрешенный конец. Деталь, которую я не могу опустить, это место его смерти — под Ревелем! еще одно место, которого нет уже на карте. Смерть Нелли в Бриндизи менее понятна, хотя именно оттуда должно было быть легко попасть в Крым.

Совершенно за рамками наших рассмотрений остался весь духовный мир Мартына и, отчасти, русской эмиграции. В первую очередь Зилановых (персонаж фактически третьего плана, Ирина, несет в себе чуть ли не половину эмоциональной составляющей романа), Бубнова, Грузинова, Иголевича.

За бортом оказались все романтические составляющие романа, совершенно не проведен культурологический анализ. Кембриджский период в силу своей стационарности никак не укладывается в наше рассмотрение, несмотря на большую продолжительность.

Тем более удивителен гений Набокова, что подойдя к произведению столь однобоко, можно выяснить о нем так много.